

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАНАННИКОВ против РОССИИ»

(жалоба № 74253/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

23 октября 2018 года

*Данное постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Мананников против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседаая Комитетом в составе:

Бранко Лубарда, *Председатель*,

Пере Пастор Виланова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджи, *заместитель Секретаря Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 2 октября 2018 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 74253/17), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Алексеем Петровичем Мананниковым (далее — «заявитель») 17 апреля 2009 года.

2. Интересы заявителя в Суде представлял Н. Зборошенко, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее по тексту — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 7 ноября 2017 года жалобы на принудительное помещение заявителя, отстранение его адвоката, удержание его электронных устройств и ограничение свободы передвижения были коммуницированы Властям, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель, 1956 года рождения, проживает в г. Москве.

5. Обстоятельства дела, в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Уголовное дело в отношении заявителя

6. 14 апреля 2006 года заявителю были предъявлены обвинения в словесном оскорблении сотрудников ГИБДД, предусматривающем наказание в виде штрафа или исправительных работ сроком до одного года (далее — «первое уголовное дело»). 2 июля 2009 года мировой судья Центрального округа г. Новосибирска признал его виновным и приговорил его к штрафу. Заявитель подал апелляционную жалобу, которая была отклонена Центральным районным судом г. Новосибирска 27 сентября 2010 года. 6 декабря 2010 года Новосибирский областной суд отклонил его кассационную жалобу.

7. 8 октября 2010 года заявителю были предъявлены обвинения в неуважении к суду и в клевете в отношении судьи, председательствовавшего в ходе апелляционного производства по первому уголовному делу (далее — «второе уголовное дело»). В своей речи, адресованной суду первой инстанции и в своем блоге он обвинил ее в злоупотреблении служебным положением в политических целях. 11 октября 2012 года заявитель был признан виновным в неуважении к суду и приговорен к штрафу. 5 февраля 2013 года Верховный Суд Российской Федерации, выступая в качестве суда последней инстанции, отклонил апелляционную жалобу на приговор.

В. Запрет покидать территорию Новосибирска

8. 29 августа 2007 года следователь взял с заявителя подписку о невыезде из Новосибирска на период производства по первому уголовному делу. Он ссылаясь на предполагаемую неявку заявителя для проведения бесед.

9. В августе 2008 года первое уголовное дело было передано на рассмотрение в суд. Будучи единственным опекуном его прикованной к постели пожилой матери, заявитель попросил судью позволить ему ездить в Москву для решения ее финансовых дел. 13 ноября 2008 года в удовлетворении его ходатайства было отказано; судья постановил, что применение меры в виде ограничения передвижения являлось оправданным ввиду предыдущих неявок заявителя. Ее решение было оставлено без изменений в порядке апелляции районным судом 27 января 2009 года и областным судом 16 марта 2009 года. Областной суд мотивировал свое решение следующим образом:

«На слушании Мананников заявил, что если бы ограничение перемещения было снято, то он смог бы свободно перемещаться по территории Российской Федерации, а также выезжать за ее пределы. Мананников также заявил, что он всегда являлся на беседы со следователем и на судебные слушания и продолжил бы являться в будущем.

Его доводы подтверждают, что в случае снятия ограничения перемещения, Мананников может покинуть Новосибирск, что препятствовало бы рассмотрению уголовного дела в разумный срок. Таким образом, апелляционное определение ... является законным, оправданным и обоснованным; оснований для его отмены не имеется».

10. В феврале 2009 года заявитель повторно обратился с ходатайством о разрешении ему покинуть Новосибирск. Оно было отклонено сначала судьей, рассматривавшим дело 16 февраля 2009 года, а затем районным судом 8 мая 2009 года.

11. 26 мая 2011 года в отношении заявителя было установлено аналогичное ограничение в рамках второго уголовного дела на том основании, что ранее в этом месяце он якобы не явился на беседу со следователем.

12. Срок действия ограничения перемещения истек в 2013 году после прекращения производства по второму уголовному делу (см. пункт 7 выше).

С. Изъятие и удержание электронных устройств

13. 12 октября 2010 года в квартире заявителя был произведен обыск в рамках второго уголовного дела. Предположительно он был произведен с целью обнаружения доказательств того, что он сделал запись в своем блоге. Следователь обнаружил и изъяс его настольный компьютер и ноутбук, карту памяти, два CD-диска и один DVD-диск. Он осмотрел устройства, скопировал их содержимое на диск, опечатал и сдал их на хранение.

14. 18 ноября 2010 года следовательно отклонил ходатайство заявителя о том, чтобы сделать копию его жалобы в Европейский Суд и вспомогательных документов, хранившихся на его компьютере. Он сказал, что «у следствия нет оснований для вскрытия вещественных доказательств».

15. Заявитель подал ходатайство о судебном пересмотре. 23 декабря 2010 года Центральный районный суд отклонил его ходатайство, постановив, что он сможет сделать копии любых материалов, в том числе с вещественных доказательств, после завершения расследования.

16. 21 февраля 2011 года Новосибирский областной суд оставил решение районного суда без изменений по апелляции.

17. Электронные устройства были возвращены заявителю в 2013 года после вступления в силу приговора, вынесенного по второму уголовному делу (см. пункт 7 выше).

Д. Отстранение защитника

18. Заявитель нанял защитника М. для представления его интересов в рамках первого и второго уголовных дел.

19. 22 октября 2010 года следователь решил допросить М. в качестве очевидца преступления в форме неуважения к суду, в котором обвинялся заявитель. М. отказалась давать показания на том основании, что она являлась адвокатом заявителя. Следователь решил отстранить М. от защиты заявителя, ссылаясь на законоположение, не позволяющее свидетелям представлять подсудимых в рамках одного уголовного дела.

20. Ходатайство заявителя о судебном пересмотре решения следователя не было удовлетворено. Его жалоба была отклонена сначала районным судом 11 февраля 2011 года в первой инстанции, а затем областным судом 6 апреля 2011 года по апелляции.

21. Для представления интересов заявителя в суде ему был назначен бесплатный адвокат. Заявитель возразил против его участия в деле и настаивал на том, чтобы М. было позволено представлять его интересы.

22. После передачи дела на рассмотрение в суд заявитель пожаловался в суд первой инстанции на нарушение его права на защиту выбранным им адвокатом. В ходе предварительного слушания 1 июля 2011 года Новосибирский областной суд признал, что права стороны защиты были нарушены вследствие того, что следователь не рассмотрел возражение заявителя против участия в деле бесплатного адвоката. Областной суд вернул дело прокурору с указанием устранить нарушение.

23. Прокурор обжаловал это решение. 22 августа 2011 года Судебная коллегия областного по уголовным делам оставила жалобу без удовлетворения. Судебная коллегия по уголовным делам установила, что постановление следователя не было законным или обоснованным. Поскольку адвокат М. отказалась давать показания, конфликт интересов подсудимого и его представителя не мог возникнуть, и у следователя не имелось законных оснований для отстранения ее от разбирательства.

Е. Психиатрическая экспертиза в условиях стационара

24. 23 декабря 2010 года заявитель явился в районный суд для того, чтобы заслушать решение по его жалобе на удержание его электронных устройств (см. пункт 15 выше). Ближе к концу слушания в зал вошел прокурор в сопровождении двух приставов. Они сказали заявителю о том, что его отведут к другому судье того же суда, который рассмотрит ходатайство прокурора о его помещении

в стационар для прохождения психиатрической экспертизы в рамках второго уголовного дела.

25. Заявитель настаивал на том, что его адвокат М. должна присутствовать при этом. Вместо этого для представления его интересов был вызван бесплатный адвокат С. (см. пункт 21 выше). Заявитель отказался от услуг адвоката С., но суд не удовлетворил его отвод. Кроме того, заявитель возразил против ходатайства, в частности, на том основании, что он являлся единственным опекуном его больной матери, которая в его отсутствие будет предоставлена сама себе.

26. Спустя час районный суд удовлетворил это возражение. Он постановил, что у заявителя не имелось известных проблем с психикой, и что он согласился на прохождение психиатрической экспертизы в амбулаторных условиях. Эксперты отметили, что заявитель являлся «эгоцентричной» личностью и имел «чрезмерно положительную представление о себе» и «стремление к совершенствованию». Однако они не смогли определить степень выражения этих черт характера и не дали ответ на вопросы следователя. Следовательно, суд счел необходимым назначить психиатрическую экспертизу заявителя в условиях стационара, которая должна длиться не более тридцати дней, с целью определения, в каком душевном состоянии он находился на момент совершения вменяемого ему преступления в форме пасквиля. Суд также постановил, чтобы опека над матерью заявителя была передана органам опеки и попечительства Октябрьского района г. Новосибирска.

27. Заявитель был доставлен в больницу, где он объявил голодовку в знак протеста против его принудительной госпитализации. Он также подал жалобы, в частности, на нарушение его права на пользование услугами адвоката по его собственному выбору. 30 декабря 2010 года заявитель был освобожден, когда эксперты убедились в его нормальном психическом состоянии.

28. 9 февраля 2011 года Новосибирский областной суд отклонил его жалобу в рамках упрощенного производства.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

29. Часть 3 статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что назначение и производство судебной психиатрической экспертизы необходимо, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

30. Заявитель жаловался на то, что его принудительная госпитализация с целью проведения психиатрической экспертизы нарушила требования статьи 5 Конвенции. В соответствующей части данное положение гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом

...»

31. Власти утверждали, что принудительная госпитализация заявителя являлась оправданной и не нарушала требования пункта 1 статьи 5 Конвенции.

A. Приемлемость жалобы

32. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

33. Заявитель был помещен в психиатрическую больницу на семь дней с 23 по 30 декабря 2010 года на основании предписания суда о том, чтобы он прошел психиатрическую экспертизу в условиях стационара. Суд ранее уже признавал, что лишение свободы с целью проведения назначенной судом психиатрической экспертизы должно рассматриваться с точки зрения подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Суда от 6 декабря 2016 года по делу «Трутко против России» (*Trutko v. Russia*), жалоба № 40979/04, пункты 33-35; и постановление Суда от 26 июня 2018 года по делу «Д.Р. против Литвы» (*D.R. v. Lithuania*), жалоба № 691/15, пункт 69).

34. Суд повторяет, что проведение следственных мероприятий, предусматривающих помещение в специализированное медицинское учреждение, должно сопровождаться гарантиями защиты от

злоупотребления и произвола. Когда речь идет о производстве в отношении судебного разрешения на помещение лица в психиатрическое учреждение без его согласия, участие затрагиваемого лица, с возможностью юридического представительства в случае необходимости, представляло важное средство защиты от произвола (см., упоминаемое выше постановление по делу «Трутко против России», пункты 39-40, с дальнейшими ссылками).

35. В настоящем деле заявитель не был заранее уведомлен о рассмотрении ходатайства о его госпитализации. Зная о том, что заявитель явится в суд для того, чтобы заслушать решение по жалобе на предыдущие действия следователя, следователь воспользовался присутствием заявителя в здании суда и отвел его в зал, в котором рассматривалось ходатайство о его госпитализации (см. пункт 24 выше).

36. В ходе этого разбирательства заявитель не имел законного представителя. Следователь ограничил его доступ к его предыдущему представителю — адвокату М. на том ложном основании, что ему требовалось допросить ее в качестве очевидца преступления. Заявитель отказался от услуг бесплатного адвоката С., но ему не было предоставлено время для организации альтернативной защиты или для назначения другого защитника. При таких обстоятельствах Суд считает, что заявителю не было предоставлено достаточно времени для ознакомления с материалами дела и для подготовки к защите.

37. Суд напоминает, что вопросы пропорциональности и обеспечения справедливого баланса между важностью обеспечения в демократическом обществе выполнения законного распоряжения суда и важностью права на свободу, имеют особую значимость в подобного рода делах (см. постановление Суда по делу «Гатт против Мальты» (*Gatt v. Malta*), жалоба № 28221/08, пункт 40, ECHR 2010). Однако, случилось так, что районный суд не провел независимую оценку пропорциональности, а лишь по сути повторил содержание ходатайства следователя. Он не упомянул, что заявитель обвинялся в совершении ненасильственных преступлений или что он не заявлял о невинности или ограниченной вменяемости или о том, что он не может предстать перед судом. Хотя суд и признал, что заявитель добровольно согласился на прохождение психиатрической экспертизы в амбулаторных условиях, которая не привела к окончательным выводам, он не заслушал экспертов, ответственных за проведение этой экспертизы, и не предоставил заявителю возможность провести перекрестный допрос этих экспертов. Он не рассмотрел влияние разлучения заявителя и его престарелой матери, для которой он являлся единственным опекуном, и не сопоставил потребности расследования и ее благосостояния. Суд считает, что степень

тщательности рассмотрения этого вопроса районным судом была явно недостаточной.

38. Суд отмечает, что постановление о госпитализации было приведено в исполнение незамедлительно, даже в отсутствие каких-либо указаний на срочную необходимость; заявитель был отправлен в больницу непосредственно из здания суда. Напоминается, что подпункт (b) пункта 1 статьи 5 Конвенции требует, чтобы прежде чем лишить человека свободы за «несоблюдение» «законного судебного приказа», ему должна быть предоставлена возможность выполнить такой приказ, и он должен не выполнить его (см. постановление от 29 ноября 2011 года по делу «Бейере против Латвии» (*Beiere v. Latvia*), жалоба № 30954/05, пункт 49). По крайней мере, можно считать, что лицо имело возможность выполнить распоряжение, когда было надлежащим образом уведомлено об этом, и явно или неявно отказалось следовать ему (там же, пункты 49-50). В настоящем деле ничто не указывает на то, что заявителю была предоставлена возможность отправиться в больницу по собственной воле до того, как постановление было приведено властями в исполнение.

39. Наконец, Суд отмечает, что жалоба на госпитализацию была рассмотрена более чем через месяц после освобождения заявителя (см. пункт 28 выше). Апелляционный суд не рассмотрел подробно доводы заявителя об отсутствии защитника, о влиянии разлучения с матерью и о других вопросах.

40. Учитывая ненадлежащее рассмотрение вопроса внутригосударственными судами, которое не давало достаточных гарантий от произвола, Суд считает, что производство, в результате которого заявитель был помещен в психиатрическую больницу на семь дней, не отвечало требованию законности, предусмотренному статьей 5 Конвенции, что сделало его содержание под стражей произвольным (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Трутко против России», пункт 44).

41. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

42. Заявитель жаловался на то, что отстранение адвоката М. подорвало справедливость уголовного судопроизводства в его отношении и его право защищать себя, гарантированное статьей 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела...

...

3. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(с) защищать себя... через посредство выбранного им самим защитника...».

43. Власти утверждали, что требование о сохранении адвокатской тайны не было нарушено, поскольку от защитника М. не требовали раскрыть какую-либо конфиденциальную информацию. Решение следователя допросить ее в качестве очевидца было обоснованным, и нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции допущено не было.

А. Приемлемость жалобы

44. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

45. Суд недавно вкратце изложил принципы, на основании которых он оценивает справедливость судебного разбирательства в случае отстранения адвоката, выбранного подсудимым (см. постановление Большой Палаты по делу «Дворски против Хорватии» (*Dvorski v. Croatia*), жалоба № 25703/11, пункты 76-82, ECHR 2015). Суд повторял, что национальные Власти должны учитывать пожелания подсудимого в отношении его или ее выбора законного представителя, но могут не соблюдать эти пожелания, если существуют существенные и достаточные основания полагать, что это необходимо в интересах правосудия. При отсутствии таких оснований, ограничение свободного выбора защитника явилось бы нарушением пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции при негативном влиянии на защиту заявителя, учитывая судопроизводство в целом (там же, пункт 79).

46. Что касается первого вопроса о том, имелись ли достаточные и существенные основания для невыполнения желания заявителя о том, чтобы его представляла адвокат М., то Суд ссылается на выводы внутригосударственных судов. Они установили, что, поскольку М. отказалась давать показания против заявителя, конфликт интересов не мог возникнуть, и законных оснований для ограничения доступа заявителя к М. не имелось (см. пункт 23 выше). Из этого следует, что отстранение адвоката М. не служило интересам правосудия.

47. По второму вопросу о том, была ли нарушена справедливость производства в целом, у Суда имеется недостаточно информации о ходе расследования в течение периода, когда М. была заменена на бесплатного адвоката С. Выше он установил, что отсутствие М. на судебном процессе по вопросу о помещении заявителя в психиатрическую больницу, нарушало его право на свободу. Однако этот вывод сам по себе не влечет нарушение права на справедливое судебное разбирательство, поскольку доказательства, полученные таким способом, не были использованы против него во время судебного процесса. Эксперты-психиатры пришли к выводу о том, что заявитель является вменяемым, и он не утверждал об обратном. Таким образом, из материалов дела не следует, что заключение эксперта, каким-либо образом повлияло на линию его защиты. Как отмечалось ранее, у Суда нет информации о каких-либо других следственных мерах с участием заявителя, например, допросы, которые могли дать дополнительные подтверждающие вину доказательства (сравните с постановлением от 7 ноября 2017 года по делу «Дудченко против России» (*Dudchenko v. Russia*), жалоба № 37717/05, пункт 158).

48. С учетом вышесказанного Суд считает, что отстранение М. в качестве защитника заявителя не обязательно нарушило права заявителя на защиту или подорвали справедливость судопроизводства в целом.

49. Следовательно, нарушений пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции допущено не было.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1

50. Заявитель жаловался на то, что следователь изъял его электронные устройства и не позволил ему снять копии с его документов. Он ссылаясь на статью 1 Протокола № 1, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения, однако, не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

51. Власти утверждали, что статья 1 Протокола № 1 нарушена не была.

А. Приемлемость жалобы

52. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

53. Суд уже рассматривал аналогичную ситуацию в деле «Смирнов против России» (*Smirnov v. Russia*) (жалоба № 71362/01, пункты 50-59, 7 июня 2007 года), в котором он установил нарушение статьи 1 Протокола № 1 в связи с необоснованным удержанием компьютера Смирнова.

54. В настоящем деле заявитель являлся законным владельцем электронных устройств, которые следователь изъял из его квартиры и хранил в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Данная ситуация должна быть рассмотрена с точки зрения права государства контролировать пользование собственностью (см. упоминаемое выше постановление по делу «Смирнов против России», пункт 54). Решение об удержании устройств было основано на положениях Уголовно-процессуального кодекса и могло считаться необходимым в интересах надлежащего отправления правосудия, что является «законной целью» в общих интересах общества (там же, пункт 57).

55. Как и в деле «Смирнов против России», Суд отмечает, что устройства не являлись предметом, инструментом или результатом преступления. Ценность для расследования представляла хранящаяся на них информация (там же, пункт 58). После того как следователь изучил и скопировал эту информацию (см. пункт 13 выше), видимых причин для дальнейшего удержания устройств не осталось. В ходе разбирательств во внутригосударственных судах и в Европейском Суде таких причин названо не было. Тем не менее, внутригосударственные органы власти удерживали эти устройства около трех лет до тех пор, пока приговор по уголовному делу не вступил в силу. Суд также отмечает, что заявитель использовал компьютер и другие устройства для подготовки юридических документов для защиты своих прав и законных интересов. Удержание компьютера не только причинило заявителю личные неудобства, но и подорвало его способность защищать себя.

56. Учитывая изложенные выше обстоятельства, Суд считает, что Власти Российской Федерации не соблюли «справедливый баланс» между требованиями общественного интереса и требованием

защиты права заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом. Соответственно, имело место нарушение требований статьи 1 Протокола № 1.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 ПРОТОКОЛА № 4

57. Заявитель жаловался на то, что власти запретили ему покидать Новосибирск на весь срок уголовного судопроизводства в нарушение статьи 2 Протокола № 4, которая гласит:

«1. Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит, в пределах этой территории, право на свободное передвижение ...

...

3. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

4. Права, признанные в пункте 1, могут также, в определенных районах, подлежать ограничениям, вводимым в соответствии с законом и обоснованным общественными интересами в демократическом обществе».

58. Власти утверждали, что статья 2 Протокола № 4 Конвенции не была нарушена.

A. Приемлемость жалобы

59. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

60. Суд повторяет, что запрет покидать территорию определенного города, как тот, который был установлен в отношении заявителя, представлял собой вмешательство в его право на свободу передвижения. Государство может законно применять различные меры пресечения, ограничивающие свободу подсудимого в рамках уголовного судопроизводства, для обеспечения его эффективного проведения, при условии, что такая мера и, в частности, ее продолжительность соответствует закону и является

пропорциональным преследуемым целям (см. постановление от 24 апреля 2008 года по делу «Розенгрэн против Румынии» (*Rosengren Romania*), жалоба № 70786/01, пункт 33, и постановление от 13 октября 2005 года по делу «Федоров и Федорова против России» (*Fedorov and Fedorova v. Russia*), жалоба № 31008/02, пункт 41).

61. Свобода передвижения заявителя была первоначально ограничена в августе 2007 года в рамках первого уголовного дела (см. пункт 8 выше). Можно считать, что срок действия данного ограничения истек после завершения производства по делу в декабре 2010 года. К этому времени уже велось расследование по второму уголовному делу, и в мае 2011 года было установлено аналогичное ограничение. Оно было снято по окончании производства по второму уголовному делу в феврале 2013 года. Суд напоминает, что в целях производства по Конвенции эти два периода должны учитываться в совокупности (см. постановление от 7 декабря 2006 года по делу «Иванов против Украины» (*Ivanov v. Ukraine*), жалоба № 15007/02, пункт 93 *in fine*). Из этого следует, что общие период ограничения, который подлежит рассмотрению, составляет приблизительно шесть лет.

62. Суд ранее уже признавал, что обязательство не покидать область места жительства является наименее суровой мерой ограничения свободы лица (см. упоминаемое выше постановление по делу «Федоров и Федорова против России», пункт 41). Однако, ее чрезмерная длительность сама по себе не может быть достаточной для вывода о том, что она была непропорциональна преследуемой законной цели (см. упоминаемое выше постановление по делу «Иванов против Украины», пункт 96; упоминаемое выше постановление по делу «Розенгрэн против Румынии», пункт 38; постановление по делу «Луордо против Италии» (*Luordo v. Italy*), жалоба № 32190/96, пункт 96, ECHR 2003-IX; постановление от 24 марта 2005 года по делу «Гоффи против Италии» (*Goffi v. Italy*), жалоба № 55984/00, пункт 20; постановление Суда от 11 декабря 2003 года по делу «Бассани против Италии» (*Bassani v. Italy*), жалоба № 47778/99, пункт 24). Длительность оспариваемого ограничения была не больше, чем в делах, в которых она в совокупности с другими элементами дела не привела к установлению нарушения статьи 2 Протокола № 4 (см. постановление Суда от 22 ноября 2005 года по делу «Антоненков и другие против Украины» (*Antonенkov and Others v. Ukraine*, жалоба № 14183/02, пункты 59-67, и упоминаемое выше постановление по делу «Федоров и Федорова против России»). Однако отличительной особенностью в настоящем деле является то, что заявитель проживал в Москве, но должен был находиться в Новосибирске, где предположительно были совершены преступления. Новосибирск находится в более чем 3 300 километрах или приблизительно в четырех часах полета на самолете от

места обычного проживания заявителя, и ему было запрещено возвращаться туда даже на короткий срок (сравните с постановлением от 24 января 2012 года по делу «Мяжджи против Польши» (*Miażdżyk v. Poland*), жалоба № 23592/07, пункты 39 и 41, в котором заявитель был вынужден оставаться за пределами страны своего привычного проживания более пяти лет). Необходимость столь долго пребывать вдалеке от места, в котором он проживал ранее, должно быть, существенно нарушила жизнь заявителя и подвергла его финансовым трудностям, хотя в деле нет указаний на то, что внутригосударственные органы власти учли данный факт.

63. Суд отмечает, что ограничение перемещения было автоматически применено на весь срок производства (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Федоров и Федорова против России», пункт 42). Российское законодательство не требовало, чтобы оспариваемая мера регулярно пересматривалась следователем или судами. Жалобы заявителя на это ограничение неизменно отклонялись со ссылкой на те же факты, на основании которых эта мера была применена изначально (см. пункт 9 выше). Однако Суд напоминает, что необходимость сохранять данное ограничение неизбежно исчезает с течением времени, особенно в отсутствие дополнительных доказательств намерения заявителя скрыться, обнаруженных в ходе расследования (см. упоминаемые выше постановления по делам «Луордо против Италии», пункт 96 и «Розенгрэн против Румынии», пункт 39).

64. Заявитель активно добивался разрешения покинуть Новосибирск, и ему несколько раз отказывали (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Федоров и Федорова против России», пункты 44-46). Когда он попросил снять ограничение и обязался присутствовать на всех слушаниях и допросах, областной суд подтвердил свой анализ утверждения о том, что если заявитель покинет Новосибирск, то это навредит расследованию, но не объяснил, почему он считает, что обязательство явки является недостаточным для гарантии его присутствия (см. пункт 9 выше). Доводы заявителя о потребностях зависимой от него матери вовсе не были рассмотрены внутригосударственными судами.

65. В целом Суд считает, что внутригосударственные органы власти не привели достаточных оснований для поддержания ограничения перемещения в течение столь длительного времени. Вмешательство в право заявителя на свободу передвижения не было необходимым в демократическом обществе.

66. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Протокола № 4.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

67. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

68. Заявитель требовал 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 18 900 евро в качестве возмещения расходов и издержек, состоящих из тридцати шести часов работы его представителя по ставке 300 евро в час.

69. Власти указали, что статью 41 следовало применить в соответствии с утвердившейся прецедентной практикой.

70. Европейский Суд присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма. Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 2 400 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств в Европейском Суде, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма; она должна быть выплачена на банковский счет представителя.

71. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. признал данную жалобу приемлемой;
2. постановил, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. постановил, что нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции допущено не было;
4. постановил, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
5. постановил, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции;
6. постановил, что:

(а) в течение трех месяцев государство-ответчик должно выплатить заявителю указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации неимущественного вреда;

(ii) 2 400 евро (две тысячи четыреста евро) плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения расходов и издержек, которые должны быть переведены на банковский счет представителя;

(b) с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

7. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 23 октября 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Бранко Лубарда
Председатель